

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Д.А.Кузнецов, И.С.Кабанов

Последствия «правого поворота» в Латинской Америке: региональное и глобальное измерения

В статье рассматриваются концептуальные основы, особенности и нюансы «левого поворота» в Латинской Америке, а также его причины. Несмотря на плодотворные результаты «золотого десятилетия», популярность левых политиков неуклонно падает, что оказывает влияние на международные отношения как в рамках региона, так и за его пределами. «Правый поворот», являясь последствием совокупности внутривнутриполитических изменений во многих государствах Латинской Америки, привел к постепенному упадку существующих форматов сотрудничества и к появлению новых, в большей степени ориентированных на ценности правых. Кроме того, в связи с традиционно сильными позициями социалистических лидеров в некоторых странах регион оказался разделенным на два соперничающих блока. Определенные изменения претерпели отношения с «великими державами» — США, КНР и Россией. В данной статье значительное внимание уделяется оценке не только политических, но и экономических связей с этими государствами.

Ключевые слова: ЛКА, «правый поворот», интеграция, *UNASUR*, *PROSUR*, *CELAC*.

DOI: 10.31857/S0044748X0017569-4

Статья поступила в редакцию 22.09.2021.

Регион Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛКА) в настоящее время продолжает переживать период активной международно-политической трансформации, что обусловлено изменением характера внутренних взаимодействий и поиском новых внешних партнеров. Модель

Денис Андреевич Кузнецов — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (РФ, 119454 Москва, пр. Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0001-6265-2774>, kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru); Иван Сергеевич Кабанов — студент 4-го курса Факультета управления и политики, МГИМО МИД России, (РФ, 119454 Москва, пр. Вернадского, 76, <https://orcid.org/0000-0002-5414-3336>, K.Ivan179@mail.ru).

кооперации между самими государствами ЛКА модифицируется в связи с внутривластными преобразованиями, что проявляется в переориентации внешней политики, усложнении межгосударственных отношений, а также развитии новых региональных структур.

С начала первого десятилетия XXI в., ознаменовавшегося подписанием декларации Куско о создании Союза южноамериканских наций (*Unión de Naciones Suramericanas, Unasur*), а также после учреждения Боливарианской альтернативы для народов нашей Америки (*Alternativa Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*), число государств ЛКА, правительства которых склонялись к проведению социально-ориентированной «народной» политики, значительно сократилось. Несмотря на то, что в экономической сфере за период 2003—2013 гг. лидерам стран региона удалось достичь впечатляющих успехов, о чем свидетельствует тот факт, что этот период получил название «золотое десятилетие», левые правительства постепенно утратили популярность, уступив дорогу правым силам: произошло очередное существенное «колебание» политического маятника. В связи с такими значительными переменами было введено понятие «правого поворота», отражающее новый этап политического развития ЛКА.

Очевидно, что внутривластные изменения не могли не оказать влияния на международные отношения как в рамках самого региона, так и вне его, не трансформировать роль ЛКА в системе глобальных связей. Цель данного исследования — на основе анализа, сравнения и обобщения актов внешнеполитической деятельности стран ЛКА показать масштаб международно-политических последствий «правого поворота» в их региональном и глобальном измерении. Для этого исследуются феномен поворота, международно-политические сдвиги в регионе ЛКА, а также — как следствие — роль внешних игроков, среди которых особое внимание уделяется России, США и Китаю.

«ПРАВЫЙ ПОВОРОТ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Мнения латиноамериканистов относительно точки отсчета современного «правого поворота» не совсем совпадают. Согласно мнению Александра Анатольевича Слинько, дрейф политических координат вправо берет свое начало в 2008 г., когда разразился мировой экономический кризис [1]. В то же время Виктор Лазаревич и Лазарь Соломонович Хейфецы полагают, что процесс стартовал в 2009 г. или даже позже [2]. Так или иначе, но спорность данного вопроса объясняется различными оценками динамики и последствий уклона вправо.

Говоря о «повороте», необходимо учитывать, что этот термин не универсален и не означает, что во всех странах региона лидирующие позиции занимают консерваторы и традиционалисты: на данный момент в ЛКА левые или левоцентристские режимы сохраняются в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме, на Кубе и некоторых других государствах [2]. Скорее, речь идет не столько о статичной расстановке политических сил в тех или иных странах в определенный момент времени, сколько о динамических изменениях, которые происходят во всем региональном пространстве [3].

Важный нюанс заключается и в том, что в рамках «поворотов» существенными являются не только формальные признаки доминирования в политике правых или левых сил, но и реальное содержание политического курса. Так, хотя можно сказать, что бывший президент Эквадора Ленин Морено (2017—2021 гг.) — политик, де-юре придерживающийся левых идеалов, на практике он проводил неолиберальную политику, характерную для правых [2]. Кроме того, в период его президентства Эквадор покинул альянс *ALBA*, который создавался как левый проект. Таким образом, становится очевидно, что, по сути, переход к правым тенденциям в этом государстве произошел раньше выборов 2021 г., победу на которых одержал правоцентрист Гильермо Лассо Мендоса. То же самое относится и к Ольянте Умале (2011—2016 гг.) — бывшему президенту Перу. Несмотря на формальную принадлежность к левой националистической партии, он следовал правоцентристскому курсу. Знаменательно, что «правый поворот» в Латинской Америке также вписывается в контекст общемировых трендов, а именно — значительного усиления правоцентристских тенденций во многих государствах.

Очевидно, что откат от левых идей был вызван совокупностью самых разнообразных причин: начиная с финансового кризиса 2008 г. и заканчивая падением мировых цен на нефть, что сузило, например, возможности руководства Венесуэлы поддерживать своих единомышленников [4; 5]. Сюда также следует отнести последствия деятельности лидеров, придерживающихся социалистических позиций. Быстрый экономический рост в странах ЛКА привел к значительному расширению среднего класса, не желавшего терять даже часть новообретенного благосостояния в угоду продолжению социально ориентированной внутренней политики. Нельзя сбрасывать со счетов и религиозный фактор: стремление католической церкви сохранить «традиционные ценности» способствовало повороту многих людей в сторону правых сил [2].

Одним из главных катализаторов кризиса стало изменение мировых цен на латиноамериканские товары. Венесуэла, Колумбия, Мексика и Эквадор, являющиеся крупными экспортёрами нефти, пострадали от снижения цен на энергоносители, а Чили, Перу, Боливия, Бразилия и Аргентина — от падения цен на металлы и сельскохозяйственную продукцию [6]. Негативное влияние оказало и замедление темпов экономического роста Китая — основного экономического партнера ряда стран региона. В результате прежде популярные левые силы должны были пойти на сокращение социальных программ.

По мере установления правых правительств усилилось и влияние США, которое иногда принимает практически интервенционистские формы (так, лидер венесуэльской оппозиции Хуан Гуайдо был признан президентом Соединенных Штатов (2017—2021 гг.) Дональдом Трампом в качестве главы венесуэльского государства) [7].

Характеризуя современные политические режимы в ЛКА, стоит отметить их крайнюю гетерогенность: можно выделить правоцентристов, более традиционных и консервативных правых, а также ультранационалистов и полуавторитарные правительства (например, администрация президента Хуана Орландо Эрнандеса (2014 — ноябрь 2021 гг.) в Гондурасе). Кроме того, важной особенностью последнего «правого поворота» является сти-

рание границ между правыми и левыми программами: многие правые, например, включают в свои предвыборные программы лозунги о социальной инклюзивности [8].

«ПРАВЫЙ ПОВОРОТ» И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Современная фаза развития международных отношений в ЛКА связана как с движением политического маятника, так и с глобальными геополитическими изменениями. На данный момент стабилизация, достигнутая во время «золотого десятилетия», сменилась на дезинтеграцию в макрорегиональном масштабе и одновременно на интеграцию на уровне отдельных стран [9]. Это проявляется и в снижении роли географического фактора в процессе интеграции, и в усилении функционального начала в процессе интеграционного строительства (например, создание *ALBA*, а затем и Тихоокеанского альянса (*Alianza del Pacífico, AP*)), и в том, что в ЛКА сохраняется ряд государств, возглавляемых левыми. Различие подходов правых и левых к проведению как внутренней, так и внешней политики обусловило стагнацию старых структур и создание новых [10]. Стоит отметить, что трансформация интеграционных процессов, вызванная «правым поворотом», приводит к постепенному разрушению блоков и форумов «левого периода». Так, фактически прекратил свое существование *Unasur*. Некогда в него входили 12 стран, однако по мере прихода к власти правых политиков количество членов неуклонно сокращалось: Перу и Бразилия — локомотивы создания *Unasur* — стали одними из первых, покинувших союз [11]. На данный момент его членами являются Боливия, Венесуэла, Гайана и Суринам. Формальным поводом к постепенному «развалу» послужил тезис правительства Бразилии о том, что временное президентство Боливии в *Unasur* не принесло никаких позитивных результатов. Еще до прихода к власти левого президента Луиса Арсе (2020 — н/в) Боливия в лице исполняющей обязанности президента Жанин Аньес (2019—2020 гг.) отказалась от членства в *Unasur*, что подтверждает критическую зависимость внешней политики стран ЛКА от их внутреннего положения. Хотя в целом среди факторов макрорегиональной интеграции весомую роль играют тезисы о цивилизационной близости, в последние годы в регионе фиксируется коррозия цивилизационного единства, что напрямую влияет на интеграционный калейдоскоп [12].

Другим камнем преткновения стали позиции бывших и действующих членов *Unasur* по венесуэльской проблеме: блок стран, покинувших союз, поддержал оппозицию, в то время как члены интеграционного сообщества признали Николаса Мадуро (2013 — н/в) в качестве легитимного президента Венесуэлы [13].

Еще одним примером «субамериканизации» в ЛКА служит заявление главы МИД Бразилии о приостановке участия страны в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*) — крупнейшей организации, объединившей все независимые страны региона. Примечательно, что подобный шаг был сделан всего через год после того, как к власти в Бразилии пришел национал-консерватор Жаир Болсонару (2019 — н/в). Кроме того,

внутри *CELAC* возникло множество противоречий между различными государствами, в частности, между Кубой и Уругваем, Венесуэлой и многими другими членами организации. Несмотря на все попытки мексиканского президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в) и главы Эквадора Гильермо Лассо (2021 — н/в) реанимировать объединение на саммите в 2021 г. и придать ему новые интеграционные импульсы, поддержки они не получили.

На сегодняшний день «левое» объединение *ALBA* также находится в состоянии кризиса. Очевидно, что расширить состав альянса в текущих политических условиях невозможно. О своем выходе из *ALBA* заявили Гондурас, Эквадор и Боливия, при этом во всех этих странах у власти находились правые силы. Боливия, однако, вскоре (после избрания президентом Арсе) заявила о восстановлении своего членства. Гондурас пробыл в составе *ALBA* всего около года, но в ходе государственного переворота 2009 г. президент Мануэль Селайа (2006—2009 гг.) был свергнут, а в новое правительство заявило о выходе страны из организации.

Таким образом, «правый поворот» привел к реальному разложению предыдущей региональной архитектуры. Вместе с тем, начиная с 2010-х годов формируются новые блоки правого толка, такие, как *AP* и Форум за прогресс и развитие Южной Америки (*Foro para el Progreso de América del Sur, Prosur*). *AP* представляет собой либеральный торговый блок, в то время как *Prosur*, созданный при поддержке США, является макрорегиональной «альтернативой» *Unasur* [13]. Одной из коренных причин формирования данного форума стала кризисная ситуация в Венесуэле, сложившаяся к 2019 г. Страны — участницы *Prosur* поддерживают Гуайдо, сыгравшего ключевую роль в попытке переворота в апреле-мае 2019 г. Сюда же относится и так называемая Группа Лимы (*Grupo de Lima*) — форум, цель которого заключалась в одностороннем — в пользу оппозиции — разрешении ситуации в Венесуэле [14].

Очевидно, что в будущем *Prosur* не сможет стать платформой для макрорегиональной латиноамериканской интеграции из-за внутренних противоречий акторов. Так, сами члены форума заявляют, что Венесуэле не удастся стать полноправным участником *Prosur*. При этом лидеры стран подчеркивают отсутствие идеологического компонента, а фактическая изоляция Венесуэлы объясняется тем, что в этой стране отсутствуют два главных условия вступления в организацию — «верховенство права» и «полная демократизация» [15]. Еще одна причина — географическая и идеологическая удаленность Мексики, а также фактически отсутствие интереса Бразилии к работе форума, так как для администрации Болсонару региональные дела в принципе не являются приоритетом внешней политики и важны лишь в том случае, если они могут способствовать региональному лидерству Бразилии [16].

Важно подчеркнуть, что в период расцвета левых режимов в рамках региональных блоков были созданы механизмы, направленные на защиту демократии. Так, когда в 2012 г. в Парагвае произошла смена власти, не признанная в качестве законной рядом латиноамериканских стран [17] и в результате которой президенту Фернандо Луго (2008—2012 гг.) был объявлен импичмент, государства — члены Общего рынка стран Южного ко-

нуса (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) заявили о приостановке членства Парагвая в этом торговом союзе. В новых структурах выработка таких механизмов не предусмотрена, что также можно видеть на конкретных примерах: государственный переворот в Гондурасе, деятельность Гуайдо, массовые протесты в Чили, а также беспорядки в Боливии и отставка боливийского президента Эво Моралеса (2006—2019 гг.). Во всех случаях не были введены никакие санкции. Следовательно, с точки зрения левых лидеров механизмы защиты демократии в ЛКА, встроенные в региональные организации, утратили свою значимость: правые не считают массовые беспорядки и государственные перевороты угрозой общерегиональной стабильности, хотя взгляды на то, что представляют собой демократия и нормы по ее обеспечению, у некоторых стран в разные периоды времени были различными [18]. Государства ЛКА довольно активно включились в международную политику, хотя из-за внутренней гетерогенности региона появляются все новые противоречия, которые находят отражение в идеологической и политической поляризации общества [19]. В целом «правый поворот» имел несколько важнейших последствий для международных отношений в регионе, среди которых основное место занимают распад интеграционных блоков, созданных левыми правительствами, новые политические противоречия, затрудняющие кооперацию и приводящие к доминированию дезинтеграционных трендов, а также создание новых структур, которые, однако, представляют собой «саммитовый» путь без жесткого институционального оформления [20].

ЛКА И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ФАРВАТЕР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ «СЕВЕРНОГО СОСЕДА»?

Дискуссии об отношениях стран Латинской Америки и Соединенных Штатов не угасают и сегодня. Безусловно, в связи с географической близостью, а также по историческим причинам позиции «северного соседа» традиционно крепки. По-прежнему прочны и экономические связи: США все еще остаются крупнейшим торговым партнером ЛКА, хотя в объемах экспортируемых латиноамериканских товаров первое место вплоть до 2019 г. занимал Китай. В последние два года данный тренд менялся: к концу 2019 г. из всех торговых партнеров латиноамериканских стран только США удалось повысить спрос на производимую ими продукцию [21].

Тем не менее в последние годы многие эксперты заявляют о постепенном, но неуклонном размывании способности США оказывать влияние на международные отношения в ЛКА [22]. В основном речь идет о том, что государства региона все чаще действуют как независимые акторы международных отношений, ищущие новых, внерегиональных партнеров. На то есть несколько причин. Во-первых, возвышение других центров международной системы, таких как Китай, Евросоюз, Россия, а также появление нового регионального лидера в лице Бразилии. Специалисты прогнозируют, что вскоре присутствие КНР в латиноамериканском регионе может привести к тому, что ЛКА превратится в сферу влияния Китая, а это будет воспринято США как угроза [22]. Во-вторых, некоторые исследователи указывают на последствия периода президентств Джорджа Буша-мл.

(2001—2009 гг.) и — хотя и в меньшей степени — Барака Обамы (2009—2017 гг.), когда взаимодействие со странами ЛКА (за некоторым исключением) не рассматривалось Соединенными Штатами как приоритетное [23]. Этот подход США обернулся возникновением политического вакуума, который активно заполняется другими региональными и внерегиональными игроками. В-третьих, такая ситуация объясняется созданием левыми правительствами международных региональных организаций, способствующих повышению международного влияния стран региона [22]. В качестве примера можно привести проект макрорегиональной структуры, который был воплощен в виде организации *CELAC*. Главной целью этого блока стало усиление торгово-экономического и политического единства государств ЛКА. Показательно, что членом *CELAC* стала и Куба, ранее по факту находившаяся в изоляции. Помимо вышеуказанных причин американский политолог Марк Эрик Вильямс отмечает еще три: внутривнутриполитические изменения стран региона, глобальные экономические перемены, связанные с кризисом 2008 г., и реакция государств ЛКА на жесткую и унилатералистскую внешнюю политику США в период правления Буша-мл. [22].

Несмотря на внушительное количество работ, в которых рассматривается вопрос ослабления связей между США и странами ЛКА, стоит отметить, что в настоящее время — в том числе и в контексте «правого поворота» — ситуация меняется. Как отмечает российский исследователь Петр Павлович Яковлев, американцы ищут новые возможности для укрепления своей конкурентоспособности в ЛКА, что включает в себя стремление США предотвратить дальнейшее сближение Кубы и Венесуэлы с Россией, а также ослабить кубинско-венесуэльский «танDEM», «ответственный» за формирование антиамериканских настроений в мире [24]. Кроме того, еще в годы президентства Обамы был инициирован постепенный вывод американо-кубинских отношений из тупика и даже была предпринята попытка вернуть Кубу в орбиту влияния США [24]. В целом в планы Вашингтона входят и попытки устранить противоречия с латиноамериканскими странами, усилия по приданию импульса развитию экономического взаимодействия с ними через различные интеграционные структуры, например, такие, как *AP*.

В настоящее время у США в латиноамериканском регионе появился своеобразный идеологический плацдарм в виде правых правительств, что открывает широкие возможности. Так, североамериканская сторона была активным сторонником учреждения форума *Prosur* в 2019 г., с тем чтобы повысить уровень легитимности близких по духу правых сил внутри управляемых ими стран [16]. По сути, через *Prosur* США могут оказывать давление на недружественные им режимы, поскольку, хотя формально провозглашенная цель форума — содействие интеграции в регионе, *de facto* эта структура служила идеологическим противовесом *Unasur*. Впрочем, *UNASUR* со временем распался, что было обусловлено глубокими политическими противоречиями входивших в него стран [25]. Поддержав образование *Prosur*, США заложили основу для оказания дальнейшего влияния на внешнюю политику части стран ЛКА не только в региональном, но и мировом масштабе. Необходимость нового института была вызвана тем, что в создании *Unasur* североамериканцы не принимали актив-

ного участия, поэтому основное внимание в нем уделялось интересам стран-членов, а не внешних акторов. Более того, *Unasur*, в отличие от *Prosur*, ставил целью сформировать собственный оборонительный союз, что в перспективе должно было фактически ослабить влияние Организации американских государств (ОАГ). Венесуэльские новостные издания уже заявили, что «*Prosur* — новый инструмент США для агрессии против Венесуэлы» и что «в целом данное объединение будет придерживаться проамериканской политики» [26]. В деятельности *Prosur* Соединенные Штаты могли увидеть и решение вопроса, касающегося Венесуэлы: официальные представители этой страны не были приглашены на первую встречу *Prosur* в Сантьяго в 2019 г., что означало ее фактическую изоляцию. Подобным же образом США могут оказывать давление на своих соперников, избегая при этом силовых методов. Кроме того, существует мнение, что с помощью данного форума правительство США надеется вытеснить своих конкурентов, т.е. Китай и Россию [13]. Вместе с тем очевидно, что *Prosur* не сможет стать основой интеграции в ЛКА.

Еще один пример тесного сотрудничества между Америками это — *AP*, одной из целей которого является кооперация с США [12]. На страны, входящие в это объединение (Мексику, Колумбию, Коста-Рику, Перу, Чили), приходится 35% ВВП всего региона, причем фактор, сближающий эти государства, — не только сотрудничество с США, но и общий интерес к взаимодействию с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Хотя прямое вмешательство в дела стран ЛКА со стороны США сегодня носит ограниченный характер, существуют другие «измерения» силы (например, мягкая сила), с помощью которых североамериканцы все еще могут влиять на международные отношения в регионе. В будущем ситуация может измениться, однако необходимо отметить, что в настоящее время в отношениях США с правыми режимами наблюдается потепление и, наоборот, фиксируются противоречия с правительствами левой направленности.

ЛКА И КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВНОЕ ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Позиции Китая в Латинской Америке, несмотря на возврат большинства стран региона к тесному сотрудничеству с США, также продолжают усиливаться. Примечательно, что идеологические различия, существующие между правыми правительствами ЛКА и Коммунистической партией Китая не меняют положения дел в сфере экономического взаимодействия. Даже национал-консерватор Болсонару тесно сотрудничает с КНР. Если в 2000 г. товарооборот между регионом и азиатским гигантом составлял всего около 12,5 млрд долл. [27], то только за первое полугодие 2021 г. данный показатель увеличился до более чем 200 млрд; при этом необходимо учитывать крайне негативное влияние пандемии *COVID-19* на международную торговлю в целом [28]. Более того, за 20 лет (2000—2020 гг.) Китай инвестировал в экономику стран ЛКА практически 160 млрд долл. [29], что больше, чем совокупная помощь со стороны Межамериканского банка развития и Всемирного банка [24]. Со временем тенденция на усиление

экономического сотрудничества сохраняется: взаимный товарооборот постоянно увеличивается, при этом нарастает и объем прямых китайских инвестиций в латиноамериканскую экономику [30]. По словам лидера КНР Си Цзиньпина (2013 — н/в), в планы Китая входят намерения по инвестированию дополнительных 250 млрд долл. к 2025 г., а годовой оборот торговли должен будет составить около 500 млрд. [31].

Прогресс наблюдается и в политической сфере: в 2015 г. в Пекине прошел первый форум Китай — *CELAC* на министерском уровне. Это событие ознаменовало собой новый этап многостороннего сотрудничества, выгодного для КНР, поскольку макрорегиональный блок может связать Китай практически со всеми странами региона. В целом началом комплексного взаимодействия стран ЛКА с КНР можно считать принятие стратегии «Политика Китая в Латинской Америке и Карибском бассейне», в рамках которой кооперация со странами региона рассматривается как одно из приоритетных направлений внешней политики КНР. В документе указаны и конкретные меры по обеспечению присутствия в ЛКА: инвестирование, предоставление кредитов, торговля и т.д. [32].

С одной стороны, и КНР, и государства региона заинтересованы в стремительном развитии экономических отношений. В контексте торговой войны Китая и Соединенных Штатов ЛКА потенциально может быть закреплена в качестве рынка для Китая. В регионе также сосредоточено значительное количество природных ресурсов, в первую очередь нефти, воды и древесины, что тоже имеет немаловажное значение [33]. Для латиноамериканских государств сотрудничество с Поднебесной важно в связи с необходимостью диверсификации потоков капитала и внешней торговли [34].

С другой стороны, несмотря на очевидные взаимные выгоды, обе стороны осознают риски. Для Китая важными ограничителями являются довольно слабая единая правовая система в ЛКА, неэффективность управления и чрезмерная коррумпированность местных властей, а в некоторых случаях — слабость бизнес-структур. Кроме этого, нельзя забывать о высоком уровне преступности в регионе и туманном политическом будущем ряда стран в связи с наблюдавшейся там за последние годы политической нестабильностью (Боливия, Перу) [34].

Для государств ЛКА перспектива чрезмерного сближения с КНР также неоднозначна: во-первых, приход новых поставщиков ударит по местным предприятиям, поскольку им станет труднее конкурировать с производителями более дешевых товаров при сопоставимом качестве. Во-вторых, следует иметь в виду и проблемы, связанные с состоянием окружающей среды. Развертывание китайской нефтяной и горнодобывающей инфраструктуры негативно сказывается на ситуации в регионе, а активная промышленная деятельность азиатского гиганта может со временем привести к серьезным климатическим последствиям.

И все же на данный момент транстихоокеанское сотрудничество продолжает углубляться. Особых размаха и глубины достигли отношения Китая с Аргентиной и Бразилией, причем контакты Пекина с каждой из этих крупнейших южноамериканских стран имеет свою четко выраженную специфику. В частности, в Аргентине китайские предприятия заключили

крупные контракты в сфере ядерной энергетики и стремятся захватить лидирующие позиции в этой высокотехнологичной отрасли [30]. После избрания в январе 2019 г. Болсонару президентом Бразилии появился риск осложнения отношений этой страны с КНР. В марте 2019 г. Болсонару находился с официальным визитом в США, где в ходе беседы с Трампом заявил о схожести позиций глав Бразилии и США по отношению к Ирану, Северной Корее и Китаю. Однако уже к концу года его позиция изменилась. В октябре Болсонару совершил тур по странам Ближнего Востока и Азии, в рамках которого встретился с председателем КНР Си и обсудил торгово-экономическое сотрудничество двух стран. В ходе встречи президент заявил, что «Китай и Бразилия были рождены, чтобы идти вместе» [31]. Он также подчеркнул, что «бразильская сторона высоко ценит возможности, открывающиеся в связи с открытием Китаем своего рынка для бразильских товаров», и выразил надежду на расширение двусторонней торговли и увеличение экспорта большого количества бразильской сельскохозяйственной продукции в Китай [35]. Несмотря на критику и пессимистические прогнозы, продолжается взаимодействие и в рамках *BRICS*, в том числе и по вопросам борьбы с последствиями пандемии.

Стратегическим партнерством можно назвать и экономические отношения КНР с Венесуэлой, так как за последние годы китайский бизнес инвестировал в экономику страны миллиарды долларов и создал совместные предприятия в целом ряде ключевых отраслей.

Таким образом, можно заключить, что, хотя в ЛКА существуют опасения относительно экономической экспансии Китая, проникновение китайской экономики в регион будет продолжаться. Китайский капитал превратился в весомую составляющую экономики латиноамериканских стран, причем, как показывают примеры Бразилии и Венесуэлы, наклон политического маятника в ту или иную сторону в этом смысле не играет принципиальной роли. Гораздо важнее для обеих сторон сейчас торговая война между двумя сверхдержавами, позитивно отразившаяся на китайско-латиноамериканском экономическом сотрудничестве. Важно понимать, что в этой связи перспективным выглядит существование *Prosur*, модели, сочетающей сотрудничество с *AP*, нацеленным на Азию, и упор на «демократические ценности», что может помочь странам ЛКА поддерживать дружественные отношения и с Китаем, и с США.

ЛКА И РОССИЯ: ЕСТЬ ЛИ ОСНОВЫ ДЛЯ ПРОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА?

Сближение России и ЛКА в современной истории международных отношений началось, безусловно, в период «левого поворота», а затем пережilo новый виток в период так называемой новой холодной войны [31]. Ценностно-политический и торгово-экономический конфликт России с США и Евросоюзом, в полной мере проявившийся в 2014 г., становится все сильнее. В этих условиях стала особенно актуальной близость представлений России и ряда ключевых латиноамериканских государств о том, в каком направлении должен меняться геополитический ландшафт, каким должен стать будущий мировой порядок.

В том, что касается экономического взаимодействия, Россия является далеко не главным торговым партнером государств региона, и товарооборот в 2020 г. находился лишь на уровне 12 млрд долл. [36]. Кроме того, на данный момент между Россией и ЛКА не существует каких-либо переговорных платформ по интенсификации экономического сотрудничества на макроуровне, за исключением контактов по линии Россия — *CELAC* [37] (немного лучше дело обстоит с союзами: так, между РФ и ЛКА косвенно осуществляется экономическая кооперация по линии ЕАЭС — *Mercosur*; в перспективе имеются шансы на то, что некоторые барьеры в торговле будут отменены). Это несколько контрастирует с отношениями ЛКА с Китаем и США. Более того, даже у отдельных стран Евросоюза имеются определенные механизмы сотрудничества. У России довольно хорошо развиты экономические отношения с отдельными государствами ЛКА — такими, как Куба, Венесуэла и Бразилия, и, начиная с 2014 г., когда Запад ввел антироссийские санкции, эти страны вполне оперативно восполнили нехватку ряда продовольственных товаров на отечественном рынке. Однако в целом переориентировать латиноамериканских производителей на РФ не удалось [38].

С другой стороны, некоторые специалисты утверждают, что Россия намеренно отдает приоритет именно политической составляющей взаимодействия [37]. Несмотря на переориентацию большинства государств ЛКА на активное сотрудничество с США в связи с «правым поворотом», Россия поддерживает своих латиноамериканских коллег на полях международных организаций, а страны региона, в свою очередь, поддерживают российскую позицию; схожи обоюдно продвигаемые сторонами приоритеты международного права, центральной роли ООН и многосторонней дипломатии. Некоторых успехов удалось достичь в рамках ООН. Так, во время голосования по проекту резолюции «Территориальная целостность Украины» Россию полностью поддержали четыре страны — Куба, Венесуэла, Никарагуа и Боливия. Еще 13 латиноамериканских государств, включая Аргентину и Бразилию, воздержались от голосования. Позднее Кристина Фернандес де Киршнер (2007—2015 гг.), занимавшая на тот момент пост президента Аргентины, выразила свою поддержку РФ по украинскому вопросу [39]. Примечательно, что основными нашими политическими партнерами являются как раз те страны, в которых у власти по-прежнему находятся левые силы, — Куба, Венесуэла и Никарагуа.

Кроме того, хотя двусторонние контакты на государственном уровне после «правого поворота» в ЛКА существенно сократились, новые союзники США в целом не участвуют в санкционном прессинге РФ [37]. Наоборот, такие локомотивы латиноамериканской интеграции, как Аргентина и Бразилия, решили не идти по стопам США и не ввели никаких ограничительных мер. Посол Аргентины в России (до 2020 г.) Рикардо Лагорио отметил, что Буэнос-Айрес никогда не поддерживал введение антироссийских санкций, поскольку не считал эти меры эффективным средством внешней политики [40]. Бразилия, несмотря на все опасения, сохранила интерес к участию в *BRICS*.

Отношения России с ее латиноамериканскими партнерами носят в основном позитивный характер. В рамках международных организаций довольно часто достигается консенсус по тем или иным вопросам. В экономическом плане еще предстоит найти пути сближения, а современный

политический контекст способствует развитию сотрудничества в энергетической, экологической и других сферах.

Таким образом, учитывая существование различных точек зрения относительно даты начала «правого поворота», следует заключить, что к системному правоцентризму регион ЛКА двигался долгое время. «Правый поворот» действительно привел к фундаментальным изменениям в интеграционной повестке. Сложившиеся в первое десятилетие интеграционные и кооперационные механизмы во многом уже потеряли свою актуальность. Из-за обострения противоречий между левыми и правыми лидерами наиболее вероятным в ближайшей перспективе представляется сценарий, в рамках которого будет происходить дальнейшая фрагментация региона. Это приведет к тому, что пути кооперации в разных субрегионах ЛКА будут различными: институциональная мозаика постепенно усложнится, а новые межправительственные организации будут работать на эксклюзивных принципах, усиливая потенциальные противоречия.

«Правый поворот» в Латинской Америке повлиял на отношения стран региона с тремя крупными мировыми державами — США, КНР и Россией. В ЛКА сохраняются элементы политико-экономического доминирования США, однако Китаю и России также удастся поддерживать стратегические отношения практически со всеми влиятельными латиноамериканскими государствами. С одной стороны, связи стран ЛКА с внешними партнерами расширились, но при этом эрозия действенных межправительственных организаций, которые охватывали все государства региона, свидетельствует о том, что сейчас международное значение Латинской Америки вновь снижается.

В то же время нельзя исключать возможность того, что «политический маятник» может быстро качнуться в противоположную сторону, порождая новый виток интеграционной и межрегиональной активности. Учитывая события, произошедшие в 2021 г., а именно, победу социалиста Педро Кастильо на президентских выборах в Перу, переизбрание никарагуанского лидера Даниэля Ортеги, триумф политика левого толка Ксиомары Кастро на всеобщих выборах в Гондурасе, победу социалиста Габриэля Борика на президентских выборах в Чили, а также снижение популярности правых, в том числе в Бразилии, уже можно констатировать частичное переформатирование политического ландшафта Латинской Америки.

В завершение стоит отметить, что существует и формальный повод для отката от правых идей — пандемия и последовавший за ней глобальный экономический «коронакризис», на фоне которого уровень жизни в ЛКА заметно снизился (что позволило увереннее говорить о «потерянном десятилетии 2.0»), а недовольство населения и запрос на социальные программы продолжают нарастать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Слин'ко А.А. Правоцентристская революция в Латинской Америке. *Политические изменения в Латинской Америке*. Воронеж, 2012, № 10, сс.4–9. [Slin'ko A.A. Pravotsentristskaya revolyutsiya v Latinskoi Amerike [The Center-right Revolution in Latin America]. *Politicheskie izmeneniya v Latinskoi Amerike*. Voronezh, 2012, N 10, pp. 4—9 (In Russ.).

2. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Правый поворот в Латинской Америке: история и современность. *История*. 2020, №5(91). [Kheifets V.L., Kheifets L.S. Pravyi povorot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremennost' [The Right Turn in Latin America: History and modernity]. *Istoriya*. 2020, N5(91). (DOI: 10.18254/S207987840010177-3). (In Russ.). Available at: <https://history.jes.su/S207987840010177-3-1> (accessed 13.11.2021).
3. Marshall E. South American Political Map. *The Brazilian Report*, 2019. Available at: <https://brazilian.report/society/2019/09/07/right-wing-seized-brazil-national-symbols/> (accessed 13.08.2021).
4. Торкунов А.В., Мальгин А.В. Современные международные отношения. М., Аспект Пресс, 2019, 688 с. [Torkunov A.V., Mal'gin A.V. Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya. [Modern International Relations]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 688 p.
5. Rojas, R. ¿Giro a la derecha en América Latina? *Ahora*, 08.07.2016. Available at: <https://www.ahorasemanal.es/giro-a-la-derecha-en-america-latina> (accessed 19.08.2021).
6. Шишков А.С. «Правый поворот?» К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке. *Проблемы национальной стратегии*. М., 2017, № 4 (43), сс.48–61. [Shishkov A.S. «Pravyi povorot?» K voprosu o smene politicheskogo tsikla v Latinskoj Amerike ["The Right turn?" Speaking about the change of the political cycle in Latin America]. *Problemy natsional'noi strategii*. Moscow, 2017, N 4 (43), pp.48-61 (In Russ.).
7. Мартынов Б.Ф. История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.). М., Аспект Пресс, 2019, 320 с. [Martynov B.F. Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii stran Latinskoj Ameriki i Karibskogo basseina (XX – nachalo XXI v.) [History of International Relations in Latin America and the Caribbean (XX - early XXI century)]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 320 p.
8. Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. «Правый поворот» в Латинской Америке: случайность или тенденция? *Латинская Америка*. М., 2010, № 6, сс.8-20. [Jeifets V.L., Jeifets L.S. «Pravyi povorot» v Latinskoj Amerike: sluchainost' ili tendentsiya? [The "right-wing turn" in Latin America: an accident or a trend?]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2010, N 6, pp.8-20 (In Russ.).
9. Arugay Aries A., Moreno G.X. Competing regionalisms? The role of the OAS and UNASUR in Bolivia's constitution-drafting process. *IDEA Publications*, 2014. Available at: <http://www.idea.int/resources/analysis/upload/The-Role-of-the-OAS-and-UNASUR-in-Bolivia-s-Constitution-drafting-process.pdf> (accessed 07.01.2021).
10. Marín Suárez C., Regueiro Bello L. M. América Latina y el Caribe en el nuevo orden internacional: perspectiva desde Cuba. *Cuadernos Iberoamericanos*. Moscú, 2020, vol. 8, N 4, pp. 65—78. (DOI: <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-4-65-78>).
11. Paraguassu L. Six South American nations suspend membership of anti-U.S. bloc. *Reuters*, 20.04.2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-unasur-membership/six-south-american-nations-suspend-membership-of-anti-u-s-bloc-idUSKBN1HR2P6> (accessed 13.03.2021).
12. Кузнецов Д.А. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение. *Сравнительная политика*. М., 2015, № 3, сс.65-84. [Kuznetsov D.A. Latinoamerikanskaya integratsiya i subregionalizatsiya na sovremennom etape: politiko-ideologicheskoe izmerenie [Latin American integration and sub-regionalization: political and ideological dimension]. *Sravnitel'naya politika*. Moscow, 2015, N 3, pp. 65—84. (DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84). (In Russ.).
13. Пигалева Д.С. Новый наклон «интеграционного маятника» в Латинской Америке на примере образования ПРОСУР. *ГосРег*, 2019, № 2 [Pigaleva D.S. Novyi naklon «integratsionnogo mayatnika» v Latinskoj Amerike na primere obrazovaniya PROSUR [A new tilt of the "integration pendulum" in Latin America with the formation of PROSUR as an example]. *GosReg*. 2019, N 2. (In Russ.). Available at: <http://gosreg.amchs.ru/polit-problem-gosreg/pigaleva-d-s-novyy-naklon-integracionnogo-mayatnika-v-latinskoj-amerike-na-primere-obrazovaniya-prosur.html> (accessed 14.01.2021).
14. Grupo de Lima desconoce nuevo Parlamento venezolano y reconoce el de Juan Guaidó. *El Comercio*, 05.01.2021. Available at: <https://www.elcomercio.com/actualidad/mundo/grupo-lima-parlamento-guaido-venezuela.html> (accessed 19.12.2021).

15. Presidentes sudamericanos pondrán en marcha el Prosur. *Ahora Malvinas*, 20.03.2019. Available at: https://www.ahoramalvinas.com.ar/noticia/5645/presidentes_sudamericanos_pondran_en_marcha_el_prosur/ (accessed 06.01.2021).
16. Коновалова К. Союз правых сил: Просур в контексте латиноамериканской интеграции. *PCMД*, 2019. [Konovalova K. Soyuz pravyykh sil: Prosur v kontekste latinoamerikanskoj integratsii [The Union of the Right Forces: PROSUR in the context of Latin American integration]. *RSMD*, 2019. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/so-yuz-pravykh-sil-prosur-v-kontekste-latinoamerikanskoj-integratsii/> (accessed 10.08.2021).
17. Paraguay: ¿fue legal la destitución de Lugo? *BBC Mundo*, 23.06.2021. Available at: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2012/06/120623_paraguay_lugo_destitucion_golpe_vh (accessed 18.08.2021).
18. Palestini S. Defender la democracia en América Latina... pero ¿qué democracia? *Open-Democracy*, 15.02.2017. Available at: <https://www.opendemocracy.net/es/defender-la-democracia-en-am-rica-latina-pero-qu-democracia/> (accessed 18.07.2021).
19. Лебедева М.М. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке. М., Аспект Пресс, 2019, 400 с. [Lebedeva M.M. Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke [The megatrends of world politics and their development in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press, 2019, 400 p.
20. Педанов Е. Куда повернула Латинская Америка? *Международная жизнь*. М., 2017. [Pedanov E. Kuda povernula Latinskaya Amerika? [Where has Latin America turned?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Moscow, 2017. (In Russ.). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/18894> (accessed 28.07.2021).
21. Trade Trends Estimates: Latin America and the Caribbean. Inter-American Development Bank: official website. 2020. Available at: https://publications.iadb.org/en/publications/english/document/Trade_Trend_Estimates_Latin_America_and_the_Caribbean-2020_Edition.pdf (accessed 16.04.2021).
22. Long T. The United States in Latin America: The overstated decline of a superpower. *The Latin Americanist*, 2016, vol. 60, N 4, pp. 497—524. (DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/tla.12094>). Available at: <https://centaur.reading.ac.uk/67969/> (accessed 21.07.2021).
23. Marco A. Gandásegui. President Obama, the Crisis and Latin America. *Latin American Perspectives*, 2011, vol. 38, N 4, pp.109—121. (DOI: <https://doi.org/10.1177/0094582X11407609>). Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0094582X11407609> (accessed 13.07.2021).
24. Яковлев П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте. *Вестник РУДН*. М., 2015, № 15 (4), сс.20—28. [Yakovlev P. P. Latinskaya Amerika na mirovoi geopoliticheskoi karte [Latin America on the global geopolitical map]. *Vestnik RUDN*. Moscow, 2015, N15(4), pp.20—28 (In Russ.). Available at: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/10493> (accessed 29.07.2021).
25. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2019, № 63(2), сс.85—93. [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [UNASUR: vague prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2019, N 63(2), pp.85-93. (DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93>). (In Russ.). Available at: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2019/2-t-63/latin-america-in-search-of-own-way/union-of-south-american-nations-clouded-prospects> (accessed 19.12.2021).
26. Prosur, nuevo instrumento de EE.UU. para agredir a Venezuela. *TeleSUR*, 22.03.2019. Available at: <https://www.telesurtv.net/news/prosur-instrumento-eeuu-agresion-venezuela-20190322-0004.html> (accessed 29.07.2021).
27. ITC. Trade Map — International Trade Statistics: official website. Available at: http://www.trademap.org/tradestat/Bilateral_TS.aspx (accessed 01.05.2021).

28. Jiarui L., Shunda H., Yao C. Especial: Cooperación económica y comercial China-América Latina muestra vitalidad y potencial. *Xinhua Español*, 28.07.2021. Available at: http://spanish.xinhuanet.com/2021-07/28/c_1310092173.htm (accessed 18.08.2021).
29. Villasenín L. Las oportunidades de América Latina en su relación con China en el siglo XXI. *Interacción Sino-Iberoamericana*, 2021, vol.1, N 1, pp.88—109. (DOI: <https://doi.org/10.1515/sai-2021-2005>). Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/sai-2021-2005/html> (accessed 18.08.2021).
30. Китай стал вторым по значимости торговым партнером Латинской Америки. *Синьхуа Новосты*, 2018. [Kitai stal vtorym po znachimosti torgovym partnerom Latinskoj Ameriki [China has become the second most important economic partner of Latin America]. *Sin'khua Novosti*, 2018. Available at: http://russian.news.cn/2018-11/30/c_137640433.htm (accessed 01.05.2021) (In Russ.).
31. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции. *Вестник РУДН*. М., 2019, № 19 (1), сс.47—58. [Yakovlev P.P. SShA i KNR v Latinskoj Amerike: kontury konkurentsii [The U.S.A. and China in Latin America: competition outlines]. *Vestnik RUDN*. Moscow, 2019, N 19 (1), pp.47—58 (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-i-kr-v-latinskoy-amerike-kontury-konkurentsii> (accessed 01.05.2021).
32. Иванова А.В. Политика КНР в Латинской Америке. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. Саратов, 2016, № 8, сс.41—46. [Ivanova A.V. Politika KNR v Latinskoj Amerike [China's policies in Latin America]. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*. Saratov, 2016, N 8, pp.41—46 (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kr-v-latinskoy-amerike/viewer> (accessed 01.05.2021).
33. Каспарук В. Китай – Латинская Америка: между экспансией и сотрудничеством. *Политические изменения в Латинской Америке*. Воронеж, 2012, № 10, сс.13—19. [Kasparuk V. Kitai – Latinskaya Amerika: mezhdru ekspansiei i sotrudnichestvom [China and Latin America: between expansion and cooperation]. *Politicheskie izmeneniya v Latinskoj Amerike*. Voronezh, 2012, N 10, pp.13—19 (In Russ.).
34. Christensen S., Ramos Becard, D. China-Latin America Relations: Main Themes, Main Problems. *JCIR Special Issue*, 16.09.2016. (DOI: <https://doi.org/10.5278/ojs.jcir.v4i2.1586>). Available at: <https://journals.aau.dk/index.php/jcir/article/view/1586> (accessed 03.05.2021).
35. Васильев Д. В., Щербakov Д. А., Щербakova А.В. Бразильско-китайское экономическое сотрудничество в контексте торговой войны между КНР и США. *Латинская Америка*. М., 2020, № 12, сс.26—36. [Vasil'ev D. V., Shcherbakov D. A., Shcherbakova A.V. Brazil'sko-kitaiskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste torgovoi voiny mezhdru KNR i SShA [The Brazilian-Chinese economic cooperation in the context of the trade war between China and the United States]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 12, pp.26—36. (In Russ.).
36. ИТС. Trade Map — International Trade Statistics: official website. Available at: <https://www.trademap.org/Index.aspx#> (accessed 18.12.2021).
37. Пятаков А. Россия – Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения. *Russie.Nei.Visions*. 2020, №119. [Pyatakov A. Rossiya – Latinskaya Amerika v XXI veke: trudnosti i protivorechiya sblizheniya [Russia and Latin America in the XXI century: difficulties and contradictions of rapprochement]. *Russie.Nei.Visions*. 2020, N119 (In Russ.). Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latin_america_ru_2020.pdf (accessed 02.05.2021).
38. Jeifets V.L. Dreaming on Latin America: Reflections on Russian Diplomacy in the Region. *Vestnik RUDN. International Relations*, Moscow, 2020, vol.20, N 3. pp.521—533. (DOI: [10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-521-533)).
39. Сударев В.П. Территориальные конфликты не уходят в прошлое. *Латинская Америка*. М., 2018, №12, сс. 49-58. [Sudarev V.P. Territorial'nye konflikty ne ukhodyat v proshloe [Territorial conflicts are not becoming a thing of the past]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 12, pp.49—58 (In Russ.).

40. В Аргентине заявили, что никогда не поддерживали санкции против России. *PIA Новосту*, 2018. [V Argentine zayavili, chto nikogda ne podderzhivali sanktsii protiv Rossii [Argentina has stated that it has never supported sanctions against Russia]. *RIA Novosti*, 2018. Available at: <https://ria.ru/20180914/1528575534.html> (accessed 05.05.2021) (In Russ.).

Denis A.Kuznetsov (kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru)
Cand. Sc. (Politics), Associate Professor of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University)
Vernadsky av., 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Ivan S.Kabanov (K.Ivan179@mail.ru)
4th year student, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University)
Vernadsky av., 76, 119454 Moscow, Russian Federation

The consequences of Latin America’s “right-wing turn”: the regional and global scopes

Abstract. The article examines the conceptual basis, characteristics and nuances of the “right-wing turn” in Latin America, as well as the reasons of its reappearance in the 21st century. Despite all positive changes that came after “the golden decade”, the popularity of left-wing politicians has been declining steadily, which influences the international relations both within and beyond the region. The “right-wing turn”, being in fact the consequence of inner-political shifts in many states of Latin America, has led to the gradual fall of the present cooperation institutions and the emergence of new ones that rely more on right-wing politicians’ values. Moreover, Latin America is now divided into two rival blocks owing to traditionally solid positions of socialist leaders in some of the region’s countries. The relationships between Latin America and the major Powers (United States, China and Russia) have undergone changes. It is worth mentioning that considerable attention has been paid to the analysis of not only political, but also economic ties. The purpose of this study is to show the scale of international political consequences of the “right-wing turn” in both regional and global dimensions on the basis of analysis and generalization of certain cases.

Key words: Latin America, the “right-wing” turn, integration diversity.

DOI: 10.31857/S0044748X0017569-4

Received 22.09.2021.